Е. А. ЛЕБЕДЕВА

По поводу повести Н. И. Соловьева «Митра и венец»

(Письмо в редакцию)

В книжках «Странника», июнь, июль-август сего года, помещена статья «Митра и венец», названная «историческою повестью», между тем она производит впечатление биографического очерка благодаря подлинным именам действующих в ней главных лиц. Позволяю себе засвидетельствовать, что статья представляет из себя не биографию, а именно, сообразно заглавию своему, литературный вымысел, так что не только описательные и повествовательные подробности ее, но и многие факты из самых существенных принадлежат художественному перу автора. А между тем эти факты дают жизни и личности действующего лица — арх<имандрита> Феодора = А. М. Бухарева превратное освещение.

Биографические неверности начинаются с первых же страниц — с описания родительской семьи А. М. Бухарева. Но существеннее эти неверности становятся по мере их отношения к снятию арх. Феодором сана. Отмечу самые главные.

В XVII главе «повести» изображено погребение матери А. М. Бухарева так: погребение совершается в селе, месте жительства покойной; соборное служение; снявший сан А. М. Бухарев не может уже принять участия в отпевании матери и только печально стоит у ее гроба; старец-диакон, муж покойной, прощаясь с женой, твердым голосом произносит горький упрек по адресу сына; рыданья прерывают его голос, вздох его на всю церковь неизгладимо западает в душу последнего, и проч.

Позволяю себе сообщить читателям «Странника», что родители архим<андрита> Феодора умерли оба ранее снятия им сана. О кончине отца его можно прочитать сведения в статье самого

архим<андрита> Феодора в № 1 «Странника» 1860 г., там архим<андрит> Феодор, будучи цензором в Петербурге, поместил для начинавшегося журнала статью под названием «Странники». По этой статье, кончина отца представляется уже случившеюся немало времени ранее. Матушка арх<имандрита> Феодора, в бытность его в Никитском Переславском монастыре, проживала в том же Переславле в женском Федоровском монастыре; там мне показывали место ее могилы; и хоронил ее именно сын ее, архим<андрит> Феодор. Умерла она приблизительно за полтора года до снятия им сана, именно 18 марта 1862 г., о чем имею под руками собственноручное извещение архим<андритом> Феодором моего отца об этом событии.

Но самое существенное — это снятие арх<имандритом> Феодором сана и его женитьба. Обоснование и изображение этих фактов в «повести» в биографическом смысле совершенно ложны. Заявляю это на основании такого рода моей осведомленности: покойный отец мой, протоиерей А. А. Лебедев, был глубоким почитателем арх<имандрита> Феодора и близким знакомым его начиная от 1860 года и до кончины последнего; я, лично помнящая из годов детства самого А. М. Бухарева, после смерти отца моего лично поддерживаю сношения с многоуважаемой А. С. Бухаревой; знакомство мое с делом происходит из рассказов отца моего, рассказов г-жи Бухаревой и еще некоторых сторонних. Но противопоставлять эти данные романическому вымыслу «повести» при жизни г-жи Бухаревой стесняюсь. Скажу только следующее. О. Феодор намерение снять сан выражал еще во время служения своего в Петербурге. Сверх того: я лично слышала свидетельство одного близко знакомого с отцом Феодором лица в разговоре с отцом моим, что о. Феодор, будучи еще на петербургском служении, говорил: «Если я сниму сан, то и женюсь». Худо ли, хорошо ли он рассуждал и поступал, — я не имею в виду здесь обсуждать, и пусть в этом мнения расходятся, — только он поступал сознательно и идейно. Любимая идея его была проведение духа Христова во все человеческое; гонение, воздвигутое на него за его в этом духе статьи под влиянием Аскоченского[1], редактора «Домашней беседы», побудило его к снятию сана, через каковое он именно рассчитывал не только свободно писать в духе своей идеи, но и войти в самое, так сказать, сердце мирской среды, чтобы там проповедовать необходимость и для мирян-христиан жить не себе, а Господу и о Господе; женитьба представлялась ему непременным условием для этого теснейшего вхождения в среду мирскую.

В подтверждение его идейного (худо ли, хорошо ли, повторяю, не в этом тут дело) выхода из монашества и женитьбы имею

под руками копию с его письма тотчас по снятии сана и женитьбе к ученику его по Казанской академии, ныне протоиерею В. В. Лаврскому, письма, характерного для взглядов А. М. Бухарева; но не имею права приводить его печатно, как чужую собственность; скажу только, что там А. М. Бухарев говорит о своем отношении к своим монашеским обетам и характерно для своего воззрения приводит пример преп<одобного> Авраамия, отложившего монашескую одежду и монашеский пост, чтобы взыскать в мире падшую племянницу свою Марию[2].

К сказанному для полноты добавлю следующее. Снятие сана и женитьба А. М. Бухарева как не могли отнюдь, по его глубокой преданности делу Христову, быть плодом романического увлечения, так не были, по его чистому православному настроению, и каким-нибудь протестом против идеи или обетов монашества, как это желали видеть еще некоторые его современники. Вот относящийся сюда, засвидетельствованный мне уважаемым лицом факт. Когда А. М. по снятии сана приехал в Петербург с супругой своей, то в сочувственном ему доме один студент Петербургской Дух<овной> академии выразился приблизительно так: «Спасибо вам, А. М., что вы пробили брешь и облегчили выход из монашества». А. М. помолчал с минуту и потом грустно сказал: «Как печально мне, что даже студенты Духовной академии так понимают мой шаг; я не только бы не облегчил, я бы еще затруднил выход из монашества». Говоривший был студент С.-Петерб<ургской> Дух<овной> академии, после служивший, кажется, в Смоленске по Министерству народного просвещения, Вл. Вл. Богословский, а подтвердил мне еще недавно подлинность этого слышанного мною ранее рассказа покойный дядя мой, протоиерей П. П. Преображенский, товарищ В. В. Богословского и свидетель разговора.